

тайно и незаметно» [2, с. 301]. Вот твёрдая почва для неуспокоенной совести, не рефлексивного только бунта и непридуманной любви (подробнее см.: [7; 8]).

Литература

1. Камю А. Записные книжки <Май 1935 – март 1951> / пер. О. Гринберг, В. Мильчиной // Камю А. Соч.: В 5 т. Харьков: Фолио, 1998. Т. 5. 410 с.
2. Камю А. Первый человек / пер. И. Кузнецовой // Камю А. Указ. изд. Т. 4. С. 209–430.
3. Камю А. Прометей в аду / пер. Н. Галь // Камю А. Указ. изд. Т. 3. С. 435–437.
4. Камю А. Человек бунтующий / пер. Ю. Денисова, Ю. Стефанова // Камю А. Указ. изд. Т. 3. С. 59–360.
5. Кожев А. Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1938 г. в Высшей практической школе / пер. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
6. Селин Л.-Ф. Из замка в замок: Роман / пер. М. Климовой и В. Кондратовича. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. 416 с.
7. Фатенков А.Н. О непостороннем (с симпатией к А. Камю) // Философская антропология. 2015. Т. 1. № 1. С. 118–134.
8. Фатенков А.Н. Экзистенциальный реализм в смыслах и лицах: Альбер Камю // Философские науки. 2015. № 9. С. 64–78.
9. Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1986. 736 с.
10. Юнгер Э. Уход в Лес / пер. А. Климентова. [Б.м.], 2014. 149 с.

«Бытие и время» М. Хайдеггера как онтологический и гносеологический провал (по материалам «Черных тетрадей»)

Филатов Т.В., Самара

д. филос. н., профессор кафедры философии,
Самарский университет

В статье рассматривается интерпретация «Бытия и времени» как неудачи, развиваемая в работе Хайдеггера «Черные тетради». Выдвигается версия относительно того, почему Мартин Хайдеггер занял исключительное место в истории новейшей философии, несмотря на неудачную для него современную западную политическую конъюнктуру.

Ключевые слова: «Бытие и время», «Черные тетради», национал-социализм, гносеологический провал, словоблудие, другое начало, Последний Бог, реваншизм, мыслетрусие.

“Being and time” by M. Heidegger as an ontological and epistemological failure (based on the materials of “Black notebooks”)

The article deals with the interpretation of “Being and time” as a failure developed in Heidegger’s work “Black notebooks”. A version is put forward as to why Martin Heidegger took an exclusive place in the history of modern philosophy, despite the unfortunate for him modern Western political situation.

Keywords: “Being and time”, “Black notebooks”, national socialism, and epistemological failure, verbiage, another beginning, the Last God, revanchism, cowardice of thinking.

Публикация дневниковых записей Мартина Хайдеггера 30-х – 40-х годов XX века, получивших общее наименование «Черные тетради» [10, 11, 12, 13], вызвала ожесточенную дискуссию на Западе в целом и в Германии в частности. В данной связи звучат голоса о «новом витке суда над Хайдеггером» [7, с. 35], «о досрочном сворачивании и быстром завершении хайдеггероведения на Западе» [4, с. 57], о «посмертном суициде» и «самодемонтаже» [4, с. 58]. Как указывает по этому поводу С.В. Погорельская, «после публикации его [Хайдеггера – Т.Ф.] личных, дневниковых размышлений без малого столетней давности критики хотят изъять одного из самых значительных философов XX в. из всемирного философского наследия. Причина такого неожиданного на первый взгляд посмертного преследования за личную мысль раскрывается по ходу чтения дискуссии. Из всего философского богатства «Черных тетрадей» критики выбрали лишь несколько пассажей, вокруг которых и ломаются копыя: дискуссия по «Черным тетрадам» все три года вращается вокруг «еврейского вопроса» [5, с. 170-171].

Между тем в «тетрадах» Хайдеггера содержится много интересного с социально-философской, социологической и психологической точек зрения, не говоря уже о других аспектах, представляющихся актуальными в контексте онтологии, истории философии XX-го столетия, политологии и культурологии. На одной из подобных тематических линий мне и хотелось бы остановиться, уходя в сторону от магистральной линии обсуждения «Черных тетрадей» на Западе, вращающихся, как было указано выше С.В. Погорельской, вокруг одной из центральных тем, формирующих сегодня общественное сознание Западного цивилизационного сообщества.

В истории познания зафиксированы многочисленные случаи, когда сознанием какой-то части человечества овладевали ложные, откровенно ошибочные идеи. Наиболее впечатляющий пример подобного рода – *аристотелевская наука*, господствовавшая в рамках античной, арабомусульманской и христианской европейской цивилизации Средневековья в общей сложности более 2000 лет. Только после утверждения «новой науки» Галилея – Ньютона стало ясно, что практически все естественнонаучные идеи

Аристотеля были ложными. Ирония, однако, заключается в том, что ни сам автор, ни его многочисленные последователи об этом не догадывались. Необходимо различать ложь как обман расчетливого мошенника, противостоящую *правде*, и честное заблуждение, противостоящее *истине*.

Речь идет о другом. Может ли человек, замахнувшийся на решение некоей эпохальной, глобальной проблемы, затрагивающей не только существование человечества, но и бытие нашего мира в целом, бездарно провалиться и прекрасно осознать собственный провал, но окружающие («люди») воспримут его попытку как великий интеллектуальный прорыв, присвоив ему, по сути жалкому неудачнику, статус великого гения?

Много лет тому назад в работе Хайдеггера «Основные понятия метафизики» я нашел следующее замечание: «авторитет, с помощью которого мы [философы – Т.Ф.] молчаливо убеждаем», держится «не на том, что мы действуем по заданию некоей высшей власти, и не на том, что мы мудрее и умнее других, но единственно на том, что нас не понимают. Лишь пока нас не понимают, этот сомнительный авторитет работает на нас. Когда нас начинают понимать, то обнаруживается, философствуем мы или нет. Если мы не философствуем, весь авторитет сам собой разваливается. Если философствуем, то его вообще никогда не было» [8, с. 336-337].

Что автор хотел донести в этом рассуждении до читателя? Возможно, намекнуть на то, что фигурирует в Размышлении II «Черных тетрадей» (п. 126): «Неудача – с помощью «Бытия и времени» и остальных сочинений так и не удалось мало-мальски пробиться хотя бы только в направлении вопрошания, не говоря уже о том, чтобы выказать (*zeitigen*) понимание вопроса, ведущее к дальнейшим вопросам. *Вместо этого лишь нелепое словоблудие* [курсив мой – Т.Ф.]. И далее: «Удивительно все же, как при такой серьезной неудаче можно на время оказаться в центре устных и письменных пересудов, которые создают тебе «имя». Как ужасно – не для того, кто оказался затронутым и кто держится, да еще пуще и крепче, своей новой задачи, – а для тех, кто должен барахтаться в волнах такого словоблудия, уже через год подыскивая себе кого-нибудь нового» [9, с. 56].

Здесь мы встречаемся с двумя смысловыми линиями. Во-первых, иллюзорная попытка самооправдания: «не для того, кто оказался затронутым и кто держится, да еще пуще и крепче, своей новой задачи». Хайдеггер надеялся, что последующие его работы окажутся удачнее, чем провалившееся вместе с другими написанными им сочинениями «Бытие и время». «Сегодня (март 1932 г.) я со всей ясности достиг той точки, откуда мне представилась чуждой вся прежняя писанина («Бытие и время»; «Что такое метафизика?»; книга о Канте и «О сущности основания I и II»)» [9, с. 26]. ««Бытие и время» как книгу нужно поставить в тень в действительном «произведении» *путем реализации намерения, содержащегося в ней* [курсив мой – Т.Ф.], но во многом не удавшегося. Это и будет настоящее опровержение» [9, с. 45]. Сегодня мы знаем, что ничего, более талантливого, чем «Бытие и время» Хайдеггером написано не было, так что эта книга до сих пор не «поставлена в тень» ни самим автором, ни кем-нибудь еще,

вроде многословного Ж.-П. Сартра, откликнувшегося спустя много лет на «Бытие и время» своим «Бытием и ничто» [6].

И, во-вторых, Хайдеггер глубоко ошибался, когда предполагал, что те, кто должен барахтаться в волнах его словоблудия, уже через год подыщут себе кого-нибудь нового. Хайдеггеровское словоблудие на многие десятилетия пережило своего автора, разрастаясь до хайдеггерианства и хайдеггероведения, несмотря на неблагоприятную для философа, официально состоявшего в нацистской партии до 1945 года, политическую конъюнктуру, приводящую к перманентным маниакальным попыткам запретить на Западе изучение и преподавание философии Хайдеггера, очередную активизацию которых вызвала публикация «Черных тетрадей».

Здесь мы снова подходим к основному вопросу, сформулированному выше. Как могло случиться, что заведомо неудавшаяся попытка найти, наконец, *смысл бытия*, обеспечила Хайдеггеру, как минимум, почетное место в истории новейшей философии. И даже больше – совершенно особое, эксклюзивное положение.

Обратимся сначала к технической стороне вопроса. В естественных науках, где практикуется мышление в достаточно четких и определенных понятиях и где наличествует возможность экспериментальной проверки даже самых абстрактных теоретических построений типа общей теории относительности или стандартной модели элементарных частиц, никому в голову не придет опубликовать итоги заведомо неудачного исследования, в которых обозначена только попытка и отсутствует ясный положительный результат. Известно, например, что Эйнштейн четверть века работал над единой теорией поля, в рамках которой нашли бы свое объяснение все четыре известных типа физических взаимодействий: электромагнитное, гравитационное, сильное и слабое. Когда великий ученый окончательно осознал тщетность своих многолетних попыток осуществить столь глобальную исследовательскую задачу, он грустно констатировал, что физика – это драма идей.

Однако философствование, осуществляемое в нечетких понятиях и имеющее, в отличие от науки, личностный характер, роднящий ее с искусством (прежде всего, с такой его ветвью как литературой), не предполагает столь жестких правил обнародования результатов интеллектуальной деятельности. С другой стороны, философствование эффективно только тогда, когда синтезируемые философом идеи, по словам Маркса, овладевают массами [3, с. 422], т.е. об эффективности философствования можно узнать только после его обнародования. Отсюда – публикаторский зуд, роднящий философов с писателями и поэтами, а также прочими деятелями искусства. Опять же, в философствовании сам творческий процесс не менее важен, нежели конечный продукт, что позволяет обнародовать его даже при очевидной сомнительности результатов, которые всегда можно рассматривать не как окончательные, а как промежуточные, переадресующие нас к новой задаче. «*Настоящее вопрошание* – вопрошание как процесс – могущественнее, чем ответы. Вместе с ответом прерывается *Da-sein*», – указывает по этому поводу Хайдеггер [9, с. 273].

Сказанное проясняет вопрос о том, почему публикуются, главным образом, *неудачные* философские произведения, в рамках которых чистый источник философствования превращается в «нелепое словоблудие», местами достаточно мутное и невнятное. Непонятным остается другое: почему такое словоблудие устойчиво овладевает массами, причем, даже при самом неудачном для него политическом раскладе? Здесь будет весьма к месту известное изречение Гегеля о том, что всякий философ – сын своего времени, а философия есть время, постигнутое в мысли [1, с. 55]. Возможно, что *феномен Хайдеггера* позволит понять историю его времени, а именно: исторические события, предшествовавшие написанию «Бытия и времени», и события, последовавшие за этим.

Что было до того, как Хайдеггер озаботился вопросом о смысле бытия? Первая мировая война, в которой Германия попыталась переформатировать это самое бытие в соответствии со своим пониманием, чтобы построить новый мир, в котором доминировали бы немецкий дух, немецкий язык (по Хайдеггеру – «дом бытия»), немецкая философия и немецкая наука. Немцы вели войну сугубо рационально, максимально используя свое техническое превосходство, и после выхода из войны России однозначно должны были победить. Но не сбылось, как ранее не сбылось у Наполеона, движимого идеалами Великой Французской революции и философии Просвещения, аналогично тому, как исходной пружиной, которая привела в действие механизм исторического возвышения Германии, была классическая немецкая философия с ее культом разума и высокой рациональности.

Падение Германии после Первой мировой войны было сокрушительным и страшным, так что практически ничего не предвещало второй фатальной попытки, которая осуществилась спустя 21 год после первой. Не о ней ли, как о невозможной возможности, размышляет Хайдеггер в «Черных тетрадах», когда вопрошает о том, «входим ли мы *с другим началом* [курсив мой – Т.Ф.] в «последнюю главу истории мира?»» [9, с. 276]. А пока он грустно констатирует беспросветность настоящего: «мы уже давно живем и еще долго будем жить в эпоху уходящих (*scheidenden*) богов» [9, с. 189], «*потеряв богов, мы утратили мир*» [9, с. 231], «Бог ушел; вещи изношены; знание разрушено; действие поражено слепотой» [9, с. 252]. И, наконец, главное, что предопределяет необходимость хайдеггеровского «смыслоискательства»: «Бытие есть эфир, в котором человек дышит, без этого эфира он становится просто скотиной и опускается до и ниже нее, и все его дела оказываются унижены до скотоводства» [9, с. 253].

Конечно, *другое начало* можно интерпретировать в духе поиска нового начала философского системостроительства. Наверно, так оно и есть, но подобное буквальное прочтение вовсе не снимает наличия второго, более глубокого (или поверхностного) смысла, порождающего, как сакральное, первый (публичный) смысл.

С одной стороны, попытка рационального изменения политической реальности, предпринятая Германией в начале XX века, потерпела крах. С другой стороны, наличное бытие, когда все дела унижены до скотоводства для вчерашних героев, штурмовавших небеса, абсолютно невыносимо. Чтобы опустивший-

ся ниже скотины человек воспринимал свое положение как вполне нормальное и естественное, требуется смена поколений, а в Германии этого не произошло: не хватило совсем немного исторического времени, как ранее России, чтобы довоевать в Первой мировой войне. Отсюда естественное решение, подготовленное, кстати, иррациональной традицией немецкой философской мысли в лице Шопенгауэра и Ницше, толкованием которого Хайдеггер занимался в годы, непосредственно предшествовавшие окончательному крушению Третьего Рейха. Там, где потерпел неудачу разум какой-то, пусть гипотетический и минимальный шанс остается только у *откровенного безумия*.

Здесь мы выходим на идеологически скользкую дискуссию о национал-социализме Хайдеггера, постепенно ставшую практически необъятной. В данной связи достаточно указать хотя бы на весьма обширное введение в философию Хайдеггера, написанное А.Г. Дугиным и изданное весьма скромным тиражом – «Мартин Хайдеггер. Последний Бог» [2], где хайдеггерианство с его поисками другого начала рассматривается как последняя возможность для России преодоления духовного диктата Запада и построения аутентичной русской философии.

В теме «Хайдеггер и национал-социализм» имеются две полярных точки зрения. Согласно первой из них, погруженный в рефлексивную и абстрактные размышления о бытии немецкий философ, попросту не понял сущности национал-социализма. Гениям подобное простительно: ведь в житейском плане они как дети. Согласно второй позиции, Хайдеггер был убежденным национал-социалистом, но умело скрывал это, намеренно используя мутный и непонятный язык. Истина, как это часто бывает, находится где-то в иной плоскости, что показывает изучение «Черных тетрадей».

С одной стороны, Хайдеггер прекрасно видел поверхностный авантюризм национал-социалистов, убожество их мыслителей и, возможно, интеллектуальное ничтожество их вождей. Здесь нас не должна вводить в заблуждение сказанная по ходу фразы про «самого [курсив мой – Т.Ф.] Фюрера» [9, с. 172]. С другой стороны, «большая вера шествует по молодой стране» [9, с. 35], «мир перестраивается» [9, с. 34, 38, 46, 73]. И вообще, «необыкновенные эпохи, пусть их необычность является лишь мерой упадка, нуждаются в самом странном» [9, с. 292], поэтому «непоколебимо – <вперед> в неизбежное» [9, с. 41].

Мне представляется, что Хайдеггер, изобретавший некий «духовный национал-социализм» [9, с. 153] в противовес «вульгарному национал-социализму» [9, с. 161], по большому счету, не был национал-социалистом, но, без сомнения был *реванистом*, которого не удовлетворяло весьма стабильное, но экзистенциально совершенно бесперспективное состояние «до и ниже скотины». Отсюда ориентация на *другое начало*, поскольку имеющиеся начала окончательно дискредитировали себя и потому более нас не устраивают. «В ясности и неумолимости *конца* высвечивается начало и новое начало становится необходимостью» [9, с. 105]. Иначе говоря, в объективно безнадежной ситуации, в которую попала Германия после 1918 года, необходимо было попытаться использовать последний шанс, воплотившийся в безумном политическом авантюризме Гитлера, который, в отличие от Наполеона, явно не тянул на роль великого полководца, и

потому Запад сравнительно легко мог остановить его без большой войны. И в Чехословакии, и в Польше, и даже во Франции в 1940 году.

Конечно, Хайдеггер сознавал всю огромную степень опасности подобного мероприятия. «Встретят ли нас новые боги? Или погибнем? Или другое начало есть наступление времени *последнего Бога?*» [9, с. 285]. Примечательно, что немецкий философ обрисовывает здесь не две, а *три* альтернативы, последняя из которых – *другое начало* и *Последний Бог*. Иначе говоря, от традиционной двузначной логики, где есть только «истинно» или «ложно», мы переходим к трехзначной логике квантовой механики, где к традиционным логическим значениям добавляется еще одно – «*неопределенно*». Эта самая неопределенность и есть Последний Бог.

Сказанное позволяет понять эксклюзивное место Хайдеггера в истории философии. Это был последний в истории философ, вознамерившийся решить кардинальную (и единственную) проблему философии – проблему бытия. «У своего конца философия всецело окажется лишь тогда, когда ее конец и останется тем, что есть ее начало: вопросом об истине Бытия» [9, с. 253]. *Последний Бог есть тот, кто берется за решение неразрешимой задачи, заведомо зная, что она неразрешима.*

Будучи сыновьями своего времени, философы периодически боялись говорить, и Хайдеггер здесь тоже не исключение. Однако под воздействием ужасов двадцатого столетия, показавшего страшную разрушительность философской мысли, овладевающей массами, постхайдеггерианские философы, нарядившись в одежды ученых, оказались поражены неким глобальным *мыслетрусием*, предпочитая смело, свободно, квалифицированно и остро говорить о многом, то есть обо всем, кроме истины Бытия. Подобная приземленная философия может быть интересной и местами очень полезной, но, будучи изначально импотентной, она более не в состоянии овладевать массами, и, тем самым, никак не влияет на исторический процесс.

Возможно, Хайдеггер предвидел наступление подобной ситуации, когда дал следующее определение философии в ее обыденной оценке: «Философия есть говорение о том о сем во всеобщих понятиях обо всех вещах. Это говорение должно совершаться на том же уровне, что и обсуждение погоды и последней модели автомашин» [9, с. 246].

И последнее. Хайдеггеровское философствование структурировалось как посткатастрофическое мышление поколения *немцев*, потерпевших поражение в Первой мировой войне. А.Г. Дугин усмотрел в философии Хайдеггера шанс «постижения Запада – преодоления Запада – освобождения от Запада» [2, с. 323] для поколения *русских*, переживших катастрофическое поражение в Первой холодной войне (1946-1991), которое опустило их «до и ниже скотины», как аналогичное поражение опустило поколение Хайдеггера. Однако значение философии другого начала и Последнего Бога для современности глобальнее: сегодня она становится актуальной для *всего человечества*, вступившего в эпоху кардинальной неопределенности, непосредственно предшествующую концу истории.

Литература

1. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Последний Бог. М.: Академический проект, 2014. 846 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 39 т. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. 2-е изд. 698 с.
4. Михайловский А. В. О некоторых особенностях российской рецепции философии Мартина Хайдеггера // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия: философия, филология. 2017. №1(21). С. 54-71.
5. Погорельская С. В. «Черные тетради», странности философской дискуссии. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия. Реферативный журнал. 2018. № 1. С. 170-187.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
7. Фалев Е. В. «Черные тетради» и новый виток суда над Хайдеггером // Философское образование. 2016. № 2(34). С. 35-45.
8. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447с.
9. Хайдеггер М. Размышления II –VI (Черные тетради 1931-1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
10. Heidegger Martin. Gesamtausgabe, Band 94: Überlegungen II–VI (Schwarze Hefte 1931–1938). Frankfurt am Main: Klostermann, 2014.
11. Heidegger M. Gesamtausgabe, Band 95: Überlegungen VII–XI (Schwarze Hefte 1938/39). Frankfurt am Main: Klostermann, 2014.
12. Heidegger M. Gesamtausgabe, Band 96: Überlegungen XII–XV (Schwarze Hefte 1939–1941). Frankfurt am Main: Klostermann, 2014.
13. Heidegger M. Gesamtausgabe. Band 97: Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte 1942-1948). Frankfurt am Main: Klostermann, 2015.

Экзистенциальная герменевтика А.А. Ухтомского

Даренский В.Ю., Луганск

д. филос. н., доцент кафедры философии и социологии,
Луганский национальный университет им. Т. Шевченко

В статье рассмотрен «экзистенциальный поворот» XX века в герменевтике, который сводился к тому, чтобы понять личность как текст, создаваемый ее внутренней свободой. Хайдеггеровский Dasein был универсальным «шифром» такого текста. Путь русской философии состоял не в том, чтобы выстроить ряд новых категорий, а в том, чтобы связать их с базовым жизненным опытом. Обосновывается тезис о том, что русский проект «экзистенциальной герменевтики» альтернативен Хайдеггеровскому и является очень ценным полем для дальнейшего изучения и развития.